

Г. Страубе

ЛИФЛЯНДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН — БОГАТЫЙ ИЛИ БЕДНЫЙ?

Долгое время среди историков преобладало мнение, что жизнь и благосостояние крестьянства от одного столетия к другому, особенно с XVII по XIX в., непрерывно ухудшалось¹. Никто не задумывался, как крестьянин, хозяйство которого с каждым днем становилось все скуднее и беднее, дожидаясь до того счастливого момента, когда случай освободил его от такой безнадежной судьбы.

Этот странный стереотип относится и к лифляндскому крестьянину, и к его изображению в исторической литературе. Только остзейские или балтийско-немецкие историки избегали рефлексии на данную тему. В центре их внимания были другие вопросы, а крестьянству внимание практически не уделялось. Лишь одна из последних работ ученых этой школы — исследование Герта Пистолкорса — касается данного вопроса, и в ней также проявляются выше обозначенные акценты². Национальная либеральная историография и советская научная литература в трактовке крестьянского вопроса были практически едины. Латвийский историк Эдгарс Дунсдорфс, после Второй мировой войны эмигрировавший в Австралию, в монографии 1973 г. указывал: «Расширение хозяйства помещика стало причиной ухудшения состояния крестьянина»³. Он привел количественные данные, которые, по его мнению, доказывают, что в XVII в. крестьяне Лифляндии были состоятельнее, чем в XVIII в. Аналогичного мнения придерживались и латышские советские историки. Так, в академической истории Латышской ССР (изданной в 1986 г.) подчеркивалось, что «...крестьянские хозяйства обнищали... Крестьяне жили впроголодь»⁴.

¹ О данной проблематике в эстонской историографии см.: *Palli H. Parish Registers and Revisions: Research Strategies in Estonian Historical Demography and Agrarian History // Social Science History. 1983. Vol. 7. No. 3. P. 289–310.*

² *Pistohlkors G. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. Berlin, 1994. S. 235–236.*

³ *Dunsdorfs E. Latvijas vēsture. 1710–1800. Sundbyberg, 1973. Lpp. 415.*

⁴ *Latvijas PSR vēsture / Red. A. Drīzulis. Rīga, 1986. Lpp. 107.* — О голоде в XVII в. см., например: *Settel M. Feeding the motherland: grain exports from the Swedish Baltic provinces during the Great Famine of 1696–1697 // Scandinavian Economic History Review 2015. Vol. 63. Iss. 3. P. 215–234.*

Но если сравнить этот историографический стереотип со сведениями источников, картина получается несколько иной. Важным источником по социально-экономической истории Прибалтики являются протоколы гаковых ревизий (*Hackenrevision*) XVII и XVIII вв.⁵, целью которых было уточнение вопросов экономического, финансового, политического, демографического и военного характера. Первые ревизии в Ливонии проводил уже Ливонский орден, в XVII в. они стали важной частью государственной политики. Ревизии проводились по мызам, где собирали данные с каждого крестьянского дома или хутора. Их главная задача состояла в том, чтобы уточнить объем обрабатываемых земель, их продуктивность, число лошадей и коров, главные виды выращиваемых культур, а также объем работ, выполняемых как барщину, и объем оброка.

В течение нескольких столетий появилось несколько вариантов определения размеров гака. Так называемый немецкий гак был примерно равен 22 гектарам, в то время, как польский в три раза больше — 66 гектаров. Шведское правительство в Лифляндии в XVII в. стремилось к унификации, оставив только один, универсальный вариант⁶: крестьянское хозяйство в один шведский гак должно быть такого размера, который возможно обработать за неделю двумя лошадьми⁷. Король Карл X (1654–1660) попытался реформировать систему определения величины гака. Согласно новым правилам, крестьянское хозяйство в один гак должно было нести повинности и платить подати в размере 60 талеров. Но этот принцип не удалось воплотить в жизнь, и продолжал применяться так называемый платежный гак, то есть примерно с 50–70 гектаров пашни платили 35–45 талеров повинностей⁸.

Шведы уделяли большое внимание учету податей с начала XVII в., с момента завоевания Лифляндии. Шведские короли, особенно Густав II Адольф и Карл XI, следовавшие моде, старались жить по правилам абсолютизма. Чтобы реализовывать свои планы и содержать большую армию, надо было следить за доходами, поступавшими в государственную кассу. Гаковые ревизии давали информацию об объеме взимаемых налогов, позволяли планировать призыв в армию, содержали сведения о числе мужчин, а также количестве лошадей, так необходимых для кавалерии и транспорта.

Первую ревизию шведы провели в Лифляндии еще в 1601 г., во время Шведско-польской войны (1600–1629)⁹. Далее их организовывали довольно часто — в XVII в. было проведено пять ревизий, столько же в XVIII в. После Северной войны (1700–1721), когда Лифляндия была завоевана Россией, ревизии продолжали проводиться вплоть до 1750 г. Позже было изменено название ревизий, но суть мероприятия осталась прежней.

Гаковые ревизии осуществляли специальные государственные комиссии, в которых были как государственные чиновники, так и местные помещики. В комиссиях шведского времени обычно были шведские чиновники. Как следует из протоколов, комиссии опрашивали местных крестьян, среди которых обычно были старосты, старшие крестьяне, знавшие ситуацию на данной мызе на протяжении длительного периода времени. Они

⁵ Материалы ревизий находятся в Латвийском государственном историческом архиве (далее — ЛГИА). Ф. 7348. Оп. 1. Д. 1, 18, 36.

⁶ Об отношении шведского правительства к крестьянскому вопросу см., например: *Settel M. The semiotics of serfdom: how serfdom was perceived in the swedish conglomerate staate, 1561–1806 // Scandinavian Journal of History. 2020. Vol. 45. Iss. 1. P. 48–70.*

⁷ *Latviešu konversācijas vārdnīca. — 1.sējums – 872.sleja.*

⁸ *Latviešu konversācijas vārdnīca. — 1.sējums – 872.sleja.*

⁹ *Die älteste schwedische Landrevision Livlands (1601) / Hrsg. von A. Švābe. Rīga, 1933.*

могли указать на изменения, произошедшие со времени прошлой ревизии. Каждая комиссия работала в своем округе и инспектировала поместья в определенной последовательности. Иногда она останавливалась на одной мызе и приглашала к себе представителей соседних мыз, например, помещика или управляющего. Как правило, такая практика применялась в небольших поместьях, поскольку иногда они были так малы и запущены, что не могли принять и прокормить комиссию, состоящую из 5–6 человек и их слуг.

Целью ревизии было собрать данные о потенциале каждой мызы как производителе сельскохозяйственных продуктов: ржи, ячменя, овса и пшеницы — сколько сеют и сколько убирают. Важно было уточнить, на каких юридических основаниях помещик или арендатор владеет тем или иным поместьем. Этот вопрос носил политический оттенок, таким образом государство могло лишиться имения нелояльных к себе помещиков, реквизируя их собственность и превратив ее в государственное имущество, которое потом можно было передать другим землевладельцам в награду за службу королю. Таким путем — через перераспределение конфискованной собственности — довольно много имений в Лифляндии получил род Оксеншернов, представитель которого был государственным канцлером.

В материалах ревизий собирались статистические сведения о крестьянах. Здесь была важна информация в первую очередь о количестве мужчин на хуторе. Интересно, что в XVII в. учитывались только сыновья хозяина, а в XVIII в. перепись включала уже три социальные группы: работоспособные мужчины и женщины, неработоспособные мужчины и женщины, их дети — мальчики и девочки.

Кроме того, собиралась информация о крестьянском скоте: лошадях, коровах, быках. В XVIII в. фиксировали и молодняк — жеребцов и телят. Наличие быков в то время уже было скорее признаком консервативности или отсталости хозяйства. Несмотря на то, что быки сильнее лошадей, они двигались медленнее, что было не так продуктивно. Лошадь можно использовать не только как тяговую силу, обрабатывая поля, но и как транспортное средство, передвигаться верхом или на коляске и санях.

Несомненно, информация о лошадях была важна и в отношении военных планов. Зачастую лошадей реквизировали для армии, и для боевых действий, и для организации подвоза с боеприпасами, перевозки раненных и погибших.

Протоколы ревизии фиксируют величину крестьянских участков, и, исходя из этого, также объем необходимых на мызе работ. Обычно в конце указывался список натуральных сборов, которые должно поставлять помещику каждое крестьянское хозяйство с одного гака, а также объем барщины. Часто приводилась дополнительная информация, например, о наличии на территории поместья мельниц, прудов, рек и озер, пригодных к ловле рыбы, о наличии кабаков, среднем объеме произведенного и употребляемого пива и размерах денежной выручки от его продажи.

Намного реже собиралась информация о наличии в приходе церкви, колокола или колоколов. Часто колокола пропадали во время войн, иногда в протоколах указывалось, какая из воюющих сторон виновата в этом.

Попробуем проанализировать уровень благосостояния лифляндского крестьянина, исходя из статистики ресурсов и рабочей силы. В историографии такие попытки предпринимались. В частности, стоит упомянуть работу Е. Дунсдорфа¹⁰, где он пришел к

¹⁰ *Dunsdorfs E. Latvijas vēsture... Lpp. 415.*

уже знакомому нам выводу о постоянном падении уровня материального благосостояния прибалтийского крестьянства на протяжении двух столетий. Заключение сделано на основе сравнения набора определенных, жизненно важных предметов хозяйства (к сожалению, Дунсдорф не раскрывает этот список) с числом крестьян на хуторе, то есть — мужских душ. Предлагаемый подход понятен и логичен, но проблема появляется на стадии сопоставления объема имущества с количеством мужчин на хуторе. В абсолютных цифрах их прирост был несомненен, но непонятно, почему Дунсдорф всех, проживающих на одном хуторе, считал собственниками, то есть распределял имущество хутора, движимое и недвижимое между всеми, кто на нем проживал. Большинство находящихся на хуторе вещей и скотом владел именно хозяин хутора, а не его сыновья или другие родственники, работники, холопы. Зачем же тогда делить размер имущества на число этих работников?

Поэтому мы проанализируем только главные предметы собственности хозяина хутора. Это, прежде всего, крупный скот, лошади и коровы. Рассмотрим материалы четырех переписей: двух ревизий за XVII век (1624¹¹ и 1638¹² гг.) и двух ревизий XVIII века (1730-х и 1750-х гг.)¹³. Как уже ранее отмечалось, документы XVII столетия не так детальны, но сведения о количестве голов крупного скота присутствуют во всех привлеченных источниках.

В первую очередь обратимся к фактически самому дорогому имуществу лифляндского крестьянина — рассмотрим наличие лошадей. По данным гаковых ревизий XVII в., их число в каждом хозяйстве колеблется от одной до четырех, правда, встречались хозяйства, в которых вообще не было лошадей. Обычно к последней категории относились крестьянские хозяйства, испытывавшие какие-то трудности. Самая распространенная причина — крестьянин относительно недавно начал жить и трудиться на данном участке и еще не приобрел лошадей. Вторая распространенная причина — лошадь недавно пала, и еще не успели приобрести новую. Но встречаются и хозяйства, хозяин которого был просто очень беден или стар и уже не мог справиться со своими обязанностями. Интересно, что почти всегда в таких ситуациях помещик не требовал с бедняка ни податей, ни барщины.

Когда крестьянин появлялся на мызе, то первые три года он освобождался от податей и не исполнял барщину. Этот принцип аккуратно соблюдался и в XVII, и в XVIII вв. Надо заметить, что крестьяне иногда злоупотребляли этим принципом. Особенно заметен прирост таких «новых крестьян» после войны. В протоколах указывалось, что переселенец пришел из такого-то прихода или волости, но иногда информация об этом отсутствует. Бывало, что в роли так называемых новых крестьян, у которых отсутствует указание об их прежнем месте проживания, на самом деле выступали старые крестьяне того же поместья, которые в экстренной ситуации покинули свой хутор и ушли в отдаленные места, в лес или болото, чтобы спрятать себя, свою семью и имущество, в том числе от войск, которые, как и положено на войне, занимались грабежом и разбоем. По окончании боевых действий в округе они возвращались на свои хутора и восстанавливали свои хозяйства, получая при этом три года свободы от податей.

¹¹ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 1.

¹² Vidzemes 1638.gada arklu revīzija / Izdevējs E. Dunsdorfs. 1.burtnīca. Rīga, 1938; 2.burtnīca. Rīga, 1940; 3.burtnīca. Rīga, 1941.

¹³ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 18, 36.

Подобные передвижения в Лифляндии особенно заметны после шведско-польской (1600–1629) и после Северной (1700–1721) войн. Миграционный процесс иногда продолжался довольно долго. Если шведско-польская война закончилась в Лифляндии в 1621 г., то в ревизиях 1624, 1630 и даже 1638 г. еще встречаются такие «новые крестьяне».

Как уже указывалось, в ревизиях XVII в. число лошадей в крестьянских хозяйствах колебалось между одной и четырьмя. Самый распространенный тип дворохозяйств содержал 1–2 лошади. Так, в 1624 г. в Турайдском, Сигулдском и Кримулдском замковом округах всего насчитывалось 300 хуторов. Четыре лошади были только в двух хозяйствах Турайдского округа, что составляет всего 0,6 %. Трех лошадей держали в 19 дворохозяйствах (6,3 %). По две лошади имели 114 крестьянских хозяйств, что составляет 38 % ото всех хозяйств в трех округах. Наибольшее число хозяйств насчитывается с одной лошастью — 155 (52 %) хозяйств¹⁴. Без лошадей жили 10 крестьян (3,3 %). Похожая тенденция наблюдалась и в других местах Лифляндии.

Через сто лет, а именно, в 1731 г. была проведена ревизия, в которой мы видим совсем другие цифры. В протоколах ревизии 1731 г. в хозяйствах значится от 1 до 16 лошадей. Например, в поместье Бауенхоф (приход Матиши) среди тридцати шести крестьянских хуторов 8 содержали по 5 лошадей, 8 — по 6 лошадей, 2 — по 7 лошадей, а на одном хуторе было 8 лошадей¹⁵. Таким образом, мы видим, что больше половины крестьянских хозяйств имели больше лошадей, чем самые состоятельные крестьяне сто лет назад.

Двадцать лет спустя, в 1750 г. новая ревизия показывает определенный спад, но по сравнению с XVII в. цифры по-прежнему более высокие. Так, к примеру, в Сигулдской мызе с 32 хуторами половина (16 хозяйств) имела по две лошади, семь хозяйств — по три лошади, а три — по четыре¹⁶. Для сравнения, в 1624 г. во всем Сигулдском замковом округе на 6 мызах ни один крестьянин не имел четыре лошади.

Ревизия 1750 г. показывает некоторое уменьшение числа лошадей в дворохозяйствах — реже встречаются владения, содержащие более десяти лошадей. Мы считаем, что это снижение указывает на то, что к середине XVIII в. крестьянские хозяйства нашли для себя оптимальное количество данного вида скота. Возможно, слишком много лошадей обременяло крестьянина, их было трудно прокормить, и не все они использовались в сельскохозяйственных работах.

Похожая картина наблюдается и в отношении крупного рогатого скота (коров). Тенденции здесь аналогичны ситуации с лошадьми. Число коров практически тождественно числу лошадей — были крестьяне, не имеющие коров, но значительное число хозяйств содержало от одного до четырех животных. Количество поголовья крупного рогатого скота определялось особенностями ведения хозяйства в Лифляндии. Во-первых, использование молока и молочных продуктов в XVII в. не имело больших масштабов. Во-вторых, было трудно хранить молоко и иные молочные продукты свежими, что ограничивало возможности их заготовки и потребления. В-третьих, еще не был развит рынок, обмен между городом и деревней. Городские жители, даже в Риге, сами держали коров и имели свое молоко. Раз не было перспектив сбыта, не росло

¹⁴ ЛГИА.Ф. 7348. Оп. 1. Д. 1. Л. 194–271. — См. также: *Straube G.* 1624./1625.gada arklū revīzija Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovados // *Vidzemes 1624./1625.gada arklū revīzija. Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovadi.* Rīga, 2019. Lpp. 10–31.

¹⁵ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 18. Л. 325–328.

¹⁶ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 36. Л. 88–90.

и производство. В-четвертых, большая проблема заключалась в прокорме скота зимой. К весне часто не хватало сена. Крестьянин должен был принимать решение, кем пожертвовать и кого пожалеть. В этом выборе выигрывала лошадь, ибо она была более важна для пашенных работ, чтобы весной приготовить поля к посеву, а также чтобы была возможность передвигаться и транспортировать разные грузы.

Общая статистика ревизии 1624 г. в трех замковых округах (Сигулдский, Турайдский и Кримулдский) показывает, что среди 312 хуторов в 25 (8 %) коров вообще не было. По одной имели в половине хозяйств — 143 (46 %). По две коровы держали в 110 хуторах (36 %), по три в 27 (8 %), по четыре коровы насчитывается лишь у 7 владельцев (2 %)¹⁷.

Ревизия 1730 г. на мызе Бауенхоф фиксирует следующую картину среди 34 хуторов. Самый минимум — это две коровы, и таких хозяйств было всего лишь одно. По три и по четыре коровы имели три и три крестьянских хозяйства, соответственно. В XVII в. это был максимум, теперь же в большинстве случаев мы видим другие цифры: по пять коров было на четырех хуторах, по шесть — на шести, по семь — на семи, по восемь — на пяти, по девять — на пяти, по десять — на трех. Два самых зажиточных хозяйства на данной мызе имели по 12 коров¹⁸.

В дальнейшем, как и в случае с лошадьми, число голов крупного рогатого скота, принадлежащих на одно хозяйство, стабилизируется и немного уменьшается. Например, на мызе Ноикампен в Сигулдском приходе в 17 хуторах самое маленькое число коров на хуторе было два (как и в 1730 г.), и таких хозяйств насчитывалось три. По три коровы имели четыре хутора, по четыре — четыре, и по пять — тоже четыре¹⁹.

Обратимся к анализу рабочей силы на хуторах. Как мы уже говорили, в XVII в. в ревизиях фиксировались только лица мужского пола — сам хозяин и его сыновья, а в XVIII в. учет стал более детальным, и включал и мужчин, и женщин, и детей с указанием степени трудоспособности. В ревизиях XVII в. сыновья хозяина значились в статусе работающих холопов, и было большой редкостью, когда среди холопов обозначались лица не из семьи дворохозяина. Поэтому глубокий анализ числа рабочих рук на хуторах в XVII в. невозможен. Источники показывают, главным образом, колебание между одной-двумя и тремя-четырьмя парами рабочих рук (по числу сыновей). Так, к примеру, в Турайдской замковой мызе из 34 хуторов семь имели только одну пару мужских рабочих рук, ибо у хозяина не было сыновей. По одному сыну и в итоге по две пары рабочих рук были в восьми хозяйствах, по двое сыновей и по три пары рабочих рук — в девяти хуторах. По три сына и по четыре работника было у трех хозяев, и можно предположить, что эти хозяйства были самые работоспособные²⁰.

В каждом хозяйстве проживали женщины, которых ревизионные комиссии не учитывали. Для того, чтобы дать оценку числу работоспособных людей на хуторе, почти во всех случаях стоит умножить число пар мужских рабочих рук на два²¹.

¹⁷ *Straube G.* 1624./1625.gada... С. 31.

¹⁸ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 18. Л. 325–336.

¹⁹ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 36. Л. 83–85.

²⁰ *Straube G.* 1624./1625.gada... Lpp. 58–68.

²¹ Женщины, которые не отмечались в ревизиях, принимали активное участие в управлении хозяйством. Это были жена хозяина хутора и, порой, жены сыновей. В качестве подтверждения важности женщины в функционировании хутора, как хозяйства, можно вспомнить практику подачи вдовцами/вдовами запросов для вступления в новый брак. Дело в том, что по лютеранским правилам необходимо ждать год до вступления в новый брак,

Ревизии XVIII в. дают нам более точную и разнообразную картину. В довольно небольшой мызе Ермес в 1730-е гг. было всего восемь хуторов, и самое малое число рабочих рук — четыре пары — было только в одном хозяйстве, к тому же в нем не было детей²². Пять пар взрослых рабочих рук было в двух хозяйствах, в одном из них было еще трое детей (два мальчика и одна девочка), а в другом — четыре (три мальчика и одна девочка). Зато на одном хуторе было семь пар рабочих рук, на двух хуторах было десять пар, еще на одном — 13, а на другом — даже 15 пар рабочих рук²³. И во всех этих хозяйствах были еще и дети. Хотя главной рабочей силой были взрослые, число детей также важно, поскольку и они привлекались к различным работам на хуторе: младшие пасли свиней, подростки — коров, работали в огороде, помогали в других областях, получая таким образом важные для будущего навыки.

Как на количестве рабочей силы отразилась выявленная нами выше тенденция о некотором снижении количественных показателей в отношении скота и лошадей к середине XVIII в.? Мы здесь также видим спад, но он не был резким. Так, в Сигулдском пасторате, где пастору было выделено два хутора, в одном насчитывалось четыре пары работоспособных взрослых мужчин, одна женщина и шесть детей, а в другом две пары мужских рабочих рук, четыре пары женских и пятеро детей. В других 10 хуторах Сигулдской мызы, на территории которой располагался и упомянутый пасторат, только на одном хуторе было всего четыре пары рабочих рук (двое мужчин и две женщины). На шести хуторах работоспособных было по пять, на трех хуторах — по шесть. На всех хуторах также имелось от трех до шести детей, которых тоже можно было привлекать к хозяйственным работам²⁴.

Таким образом, в XVIII в. лифляндские крестьяне имели на хуторах достаточное количество и рабочих рук, и скота. Хозяину хутора не составляло трудностей своевременно организовать все работы в своем хозяйстве, отправить на мызу кого-нибудь из рабочих с лошадейю исполнять барщину, и оставшись дома руководить своим хозяйством.

Несомненно, более глубокое понимание социально-экономических процессов может дать анализ статистики по числу крестьянских хуторов, дворов и составу семей, приписанных к мызам в XVII–XVIII вв.²⁵ К сожалению, в рамках представленного исследования мы не имеем возможности сравнить такие сведения. Первичное обращение к источникам показывает, что в XVIII в. мызы сильно изменились по сравнению с XVII в. Часть хуторов исчезает с карты, часть предстает в новом облике, а часть является новыми, недавно образовавшимися. Поэтому необходимо сначала провести исследование истории каждого поместья и находящихся в нем хуторов, их возникновения и исчезновения.

но многие крестьяне писали запросы с просьбой сократить этот срок, ввиду экономической необходимости. Подробнее см.: *Straube G. Laulība - brīva izvēle vai nepieciešamība // Sievietes Latvijas vēsturē. Rakstu krājums. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds 2007. Lpp. 29–35.*

²² Учитывается наличие в хозяйстве только взрослых рабочих рук. Дети до определенного возраста фиксировались в ревизиях, как отдельная категория.

²³ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 18. Л. 634–641.

²⁴ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 36. Л. 54–55.

²⁵ Нельзя забывать и про систему финансовой поддержки крестьян. См.: *Seppel M. The assistance of manors to peasants in cases of subsistence crisis in Seventeenth-Century Livonia // Acta Historica Tallinnensia. 2008. Iss. 8. P. 3–19.*

Мы можем сравнить объем повинностей, приходящихся на одного крестьянина в разные годы. Ревизия 1624 г. показывает, что крестьяне каждый год должны были отдавать своему помещику с одного гака по одной десятой урожая каждого сорта зерновых (рожь, ячмень и овес), а также другие продукты, как например, по одному ягненку, по четыре курицы, по 10 яиц, денежные выплаты в размере четырех марок и т. д. Также встречаются крестьянские хозяйства, платившие по другой системе. Они отдавали своему помещику за использование земли четыре–шесть пур (*Lof*) ржи, столько же ячменя, от двух до шести пур овса. Была и третья категория крестьян, которые платили только денежную ренту — чаще всего 100 марок²⁶.

Материалы ревизии 1750–1751 гг., несмотря на разницу более чем в 100 лет, не показывают принципиально иную картину. Крестьяне ежегодно отдавали своему барину по четыре пур ржи и ячменя и по три пур овса, и всего 1/8 пура летней пшеницы. Денежная рента ограничивалась половиной талера. Интересно, что если в XVII в. должны были отдавать целого ягненка, то в XVIII в. только одну четверть²⁷.

Единственный показатель, который отчетливо показывает, что мыза в течение одного столетия повысила требования к крестьянам — это объем барщины. Если в XVII в. с хозяйства в один гак крестьянин должен был посылать работника на коне на барщину на год на каждую неделю²⁸, то в XVIII в. наряду с ним в мызу с весны и по осень, а именно с 23 апреля и по 10 ноября отправлялся также работник без коня²⁹. Казалось бы, барщина увеличивается почти вдвое, но надо иметь в виду, что в XVIII в., как уже указывалось, число работников в крестьянских хозяйствах существенно возросло, и требование предоставить еще одного работника было по силам большей части крестьянских хозяйств.

* * *

На основании представленных данных мы можем выявить ряд закономерностей в социально-экономическом развитии Лифляндии XVII–XVIII вв. Во-первых, вектор развития отчетливо направлен вверх, уровень жизни растет, благосостояние и экономический потенциал увеличиваются. Прокормить себя и семью становилось легче, здоровье улучшалось, численность населения росла. Многие крестьяне стали все больше и больше использовать не только весь потенциал своей семьи, но и брали помощников извне — холопов, которые по определенному договору выполняли какой-то объем работ. Это позволяло держать больше коров, что влияло на качество пищи (рост мясомолочной продукции). С приростом числа лошадей повышалась производительность труда. Хотя, что парадоксально, именно в эти столетия происходит окончательное закрепощение лифляндских крестьян, они утрачивают все социальные свободы.

Во-вторых, хотя помещики повышали барщину, крестьянину в XVIII в. было легче выполнить эту повинность. Она уже не составляла такой проблемы, как раньше. Крестьянин мог полностью посвящать себя своему хозяйству и одновременно выполнял свои обязанности перед помещиком.

В-третьих, рост числа скота, особенно коров, давал больше навоза, что было также важно для улучшения урожайности полей.

²⁶ *Straube G. 1624./1625.gada...* Lpp. 132–133, 164–185.

²⁷ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 36-б. Л. 213.

²⁸ *Straube G. 1624./1625.gada...* Lpp. 127.

²⁹ ЛГИА. Ф. 7348. Оп. 1. Д. 36-б. Л. 213.

В-четвертых, хозяин хутора мог позволить себе меньше заниматься физической работой и больше уделять внимания организации хозяйства. Это развивало его умственные способности, в XIX в. мы увидим, что именно из семей хозяев хуторов появятся первые представители национальной интеллигенции, из этих семей активнее будут посылать детей в школу. Эти факторы тесно связаны с национальным пробуждением латышей в XIX веке.

Информация о статье

Автор: Страубе, Гвидо — доктор исторических наук, профессор, Латвийский государственный университет, Рига, Латвия, ORCID 0000-0002-4063-6367, ScopusID 57201984728; e-mail: gvido.straube@lu.lv

Заголовок: Лифляндский крестьянин — богатый или бедный?

Резюме: В историографии долгое время преобладало мнение, что положение крестьян в Лифляндии в XVII–XVIII вв. с каждым годом неуклонно ухудшалось. Однако анализ сведений о крестьянских хозяйствах, содержащихся в так называемых гаковых ревизиях (*Hackenrevision*) XVII и XVIII вв. показывает, что картина была более сложной. Сравнивая данные ревизий 1624, 1730, 1750–1751 гг. мы можем выделить следующие тенденции. Налицо количественный рост всех показателей благосостояния крестьянского хозяйства. Количество голов крупного рогатого скота, лошадей и работников, приходящихся на каждое хозяйство, вырастает в несколько раз (от одного-четырех в 1624 г. до 12 по максимальным показателям в XVIII в.). Лошадь была важна для полевых работ, и чем больше в хозяйстве было лошадей, тем эффективнее организовывалась работа, легче выделялись ресурсы для несения барщины, лошади могли отдыхать после тяжелой работы. Кроме того, большое количество лошадей на хуторе уже говорит об определенном благополучии, когда их держат не только для работы, но и для престижа и представительства. Увеличение количества коров способствовало улучшению питания семей и слуг (повышению в нем доли мясомолочной продукции), а также росту продаж молочных продуктов на рынке. Большое количество коров давало возможность более обильно удобрять поля, тем самым повышая их продуктивность. Увеличение числа трудоспособных людей на фермах свидетельствует о росте демографических показателей. Хозяйство могло обеспечивать нормальную жизнь большому количеству людей. Чем больше рабочей силы, тем выше экономический потенциал хозяйства. Можно обрабатывать больше земли, держать больше поголовья скота, обеспечивать большие запасы продовольствия, легче выполнять свои обязательства перед землевладельцем. Все это говорит о том, что тезис об ухудшении положения крестьян в Лифляндии в XVII–XVIII вв. не находит подтверждения в источниках.

Ключевые слова: Лифляндия, Шведское королевство, история Прибалтики, экономическая история, крестьянство, гаковые ревизии, переписи

Литература, использованная в статье:

Dunsdorfs, Edgars. Latvijas vēsture. 1710–1800. Stockholm: Daugava, 1973. 415 lpp.

Kahk, Juhan. Bauer und Baron im Baltikum. Versuch einer historisch-phänomenologischen Studie zum Thema «Gutsherrschaft in den Ostseeprovinzen». Tallinn: Wistinghausen, 1999. 200 s.

Palli, Heldur. Parish Registers and Revisions: Research Strategies in Estonian Historical Demography and Agrarian History // *Social Science History*. 1983. Vol. 7. No. 3. P. 289–310.

Pistohlkors, Gert von. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. Berlin: Siedler Verlag, 1994. 608 s.

Settel, Marten. The assistance of manors to peasants in cases of subsistence crisis in Seventeenth-Century Livonia // *Acta Historica Tallinnensia*. 2008. Iss. 8. P. 3–19.

Settel, Marten. Feeding the motherland: grain exports from the Swedish Baltic provinces during the Great Famine of 1696–1697 // *Scandinavian Economic History Review*. 2015. Iss. 63. Nr 3. P. 215–234.

Settel, Marten. The semiotics of serfdom: How serfdom was perceived in the Swedish conglomerate states, 1561–1806 // *Scandinavian Journal of History*. 2020. Vol. 45. Iss. 1. P. 48–70.

Straube, Gvido. 1624./1625.gada arklū revīzija Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovados // *Vidzemes 1624./1625.gada arklū revīzija*. Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovadi. Rīga: Izdevniecība Zinātnē, 2019. Lpp. 10–31.

Straube, Gvido. Brīva izvēle vai nepieciešamība // *Sieviete Latvijas vēsturē: Rakstu krājums*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2007. Lpp. 29–35.

Zutis, Jānis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvlaišana XIX gadsimta 20.gados. Rīga: Latv. valsts Izd., 1956. 228 lpp.

Information about article

Author: Straube, Gvido — Dr. Sc. in History, Professor, University of Latvia, Riga, Latvia, OrcID 0000-0002-4063-6367, ScopusID 57201984728; e-mail: gvido.straube@lu.lv

Title: Is the Livonian peasant rich or poor?

Summary: For a long time, the dominant opinion in the historiography was that the situation of the peasants in Livonia and later in Vidzeme in the 17th–18th centuries was steadily worsening year by year. But analysis of the information on the peasant households in the so called *Hackenrevision* of the 17th and 18th century. It shows that the situation was more complicated. If we compare the data of 1624, 1730, 1750–1751 we can see the following tendencies. There is a quantitative growth of all indicators of prosperity of the peasantry. The number of cattle, horses and workers per household increased several times (from one or four in 1624 to 12 at the maximum in the 18th century). A horse was important for field work, and the more horses in a farm, the more effectively the work was organized, the easier it was to allocate resources to carrying the barch, the horses could rest after hard work. In addition, a large number of horses on a farm already indicated a certain well-being, when they were kept not only for work, but also for prestige and representation. Increased numbers of cows helped to improve the diet of families and servants (increasing the proportion of meat and dairy products in it) as well as raising the sales of dairy products in the market. A larger number of cows enabled more abundant fertilisation of the fields, thereby increasing their productivity. The increase in the number of able-bodied people on the farms indicates an increase in the demographic indicators. The farm could provide a normal life for more people. The bigger the labour force, the higher the economic potential of the farm. More land could be farmed, more livestock could be kept, more food could be provided, and it was easier to fulfil one's obligations to the landowner. All this shows that the thesis about the worsening of the situation of the livonian peasants in the 17th–18th centuries is not supported by the sources. On the contrary, growing prosperity meant that the farmstead owner could afford to do less physical work and pay more attention to farm organization. This developed his mental capacities.

Keywords: Livonia, Swedish Kingdom, history of the Baltics, economic history, peasantry, manor, land revisions

References:

- Drīzulis, Arvīds (Ed.). *Latvijas PSR vēsture [Latvian PSR history]*. Rīga: Zinātne Publ., 1986. 400 p. (in Latvian).
- Dunsdorfs, Edgars. *Latvijas vēsture. 1710–1800 [Latvian history in 1710–1800]*. Stockholm: Daugava Publ., 1973. 415 p. (in Latvian).
- Kahk, Juhan. *Bauer und Baron im Baltikum*. Versuch einer historisch-phänomenologischen Studie zum Thema «Gutsherrschaft in den Ostseeprovinzen» [*Peasant and Baron in the Baltic*. Attempt at a historical-phenomenological study on the topic of «manorial lordship in the Baltic provinces»]. Tallinn: Wistinghausen Publ., 1999. 200 p. (in German).
- Palli, Heldur. Parish Registers and Revisions: Research Strategies in Estonian Historical Demography and Agrarian History, in *Social Science History*. 1983. Vol. 7. No. 3. Pp. 289–310.
- Pistohlkors, Gert von. *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder [German History in Eastern Europe. Baltic countries]*. Berlin: Siedler Verlag Publ., 1994. 608 p. (in German).
- Settel, Marten. The assistance of manors to peasants in cases of subsistence crisis in Seventeenth-Century Livonia, in *Acta Historica Tallinnensia*. 2008. Iss. 8. Pp. 3–19.
- Settel, Marten. Feeding the motherland: Grain exports from the Swedish Baltic provinces during the Great Famine of 1696–1697, in *Scandinavian Economic History Review*. 2015. Iss. 63. Nr 3. Pp. 215–234.
- Settel, Marten. The semiotics of serfdom: How serfdom was perceived in the swedish conglomerate staate, 1561–1806, in *Scandinavian Journal of History*. 2020. Vol. 45. Iss. 1. Pp. 48–70.
- Straube, Gvido. 1624./1625. gada arklū revīzija Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovados [1624/1625 plow audit in Turaida, Krimulda and Sigulda castle districts], in *Vidzemes 1624/1625 gada arklū revīzija. Turaidas, Krimuldas un Siguldas pilsnovadi [Livonia Land Revision of 1624/1625: Turaida, Krimulda and Sigulda Castle Districts]*. Rīga: Izdevniecība Zinātne Publ., 2019. Pp. 10–31. (in Latvian).
- Straube, Gvido. Brīva izvēle vai nepieciešamība [Free choice or necessity.], in *Sieviete Latvijas vēsturē. Rakstu krājums [Woman in the latvian history*. Collection of articles]. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds Publ., 2007. Lpp. 29–35. (in Latvian.)
- Zutis, Jānis. *Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvīšana XIX gadsimta 20.gados*. Rīga: Latv. valsts Publ., 1956. 228 p. (in Latvian).